

Ленинград фактически впервые увидел эту пьесу, ибо спектакль, показанный в прошлом году рабочим театром „Стройка“, при всем его значении для внутреннего роста самой „Стройки“, не смог донести пьесу до зрителя хотя бы уже в силу актерской незрелости исполнительского коллектива.

Замечательный эпизод гражданской войны, рассказанный Прутом, интересен прежде всего как попытка создать исторический спектакль, который всей своей внутренней организацией был бы „сегодняшним“, в полном смысле слова современным. Действенность исторического материала у Прута определяется не только тем, что все рассказанное Прутом еще живо в воспоминаниях большинства зрителей, но и тем, что героизм двенадцати бойцов бывшего бронепоезда „Князь Мстислав Удалой“ раскрыт не как „общечеловеческий“ героизм мучеников, а как живое, насущное и единственно возможное дело людей, борющихся в многомиллионных рядах своего класса и погибающих с уверенностью в победе.

Этот внутренний классовый оптимизм пьесы, определяющий всю ее художественную атмосферу, роднит ее с фадеевским „Разгромом“. Как в романе Фадеева, несмотря на разгром Левинсоновского отряда, побеждающая сила оптимизма, основанного на конкретном знании и учете исторической перспективы, покрывает минутную тягостность и безнадежность каждой отдельной смерти, так и здесь, в пьесе Прута, двенадцать катастрофических развязок, двенадцать трагических смертей главных персонажей не меняет радостного и жизнеутверждающего устремления пьесы в целом.

Конструктивная законченность пьесы и ее внутренняя напряженность укрепляются живыми и наблюдательными жанровыми зрительскими драматургией. Прут сумел обойтись без штампованного ассортимента героев нашей драматургии, увековеченного в бесчисленном количестве схематических, примитивных и крикливых агиток. Его люди остаются людьми во все самые напряженные минуты своей жизни, и драматург умеет непрестанно владеть вниманием зрителя, не давая его сознанию ни на одну минуту отвлекаться в сторону или утомляться однообразием и однолинейностью изображаемого.

Несомненно, в пьесе Прута налицо немало разной значительности дефектов. Иногда художественный вкус изменяет драматургу. Подчас чувство меры перестает быть его добродетелью. Но второстепенное покрывается основным, а основное почти нигде не звучит ни фальшиво ни выдуманно.

Театр правильно сделал, что начал свою новую творческую историю именно с данной пьесы.

Пьеса помогла театру проверить наличные силы, с которыми он вступает в борьбу за реалистическую полнокровность, ясность, конкретность и содержательность на

Арт. Екатерининский, Тулубеев и Меркурьев

своей сцене. И проверка сил показала отличные возможности творческого коллектива. Образы, созданные в этом спектакле, по-настоящему полноценны, законченны и зрелы. Это относится не только к первачам бывшего Филиала Госдрамы. Весь состав театра работает в „Мстиславе“ с той силой убежденности и заинтересованности, которая всегда определяет работу настоящих творческих организаций.

Меркурьев — пулеметчик Сулов, Тулубеев — комиссар Лосенко, Киселев — генерал Мамонтов (он же красноармеец, рассказывающий сказку о Бове-Королевиче), наконец, руководитель театра Вивьен, командир бронепоезда Державин, пулеметчик Яша Кацман — Екатерининский — вот далеко не полный перечень настоящих актерских удач этого спектакля.

Теплота и молодость определяют атмосферу спектакля во всех его частях и деталях. Целый ряд эпизодов разрешен театром с той небольшой, тактично взвешенной, но решающей дозой юмора, которая по-новому осмысливает авторский текст. Благодаря этому спектакль получился одновременно и мягким, и мужественным, и не лишеным хорошей радостной улыбки.

„Мстислав Удалой“ следует причислить к несомненно удачам текущего театрального сезона. В строй ленинградских театров вступает сильный художественный коллектив, у которого есть все основания для того, чтобы в новых своих условиях вырасти в творческий организм своего боевого шефа.

Арт. Киселев в роли рассказчика